Глава 64 (Заключительная глава) Блаженная сказка/

Племя Ман из Си Бэй вызвало волнения на границе, которые продлились в течении трех месяцев и Янь Пин вызвался заняться этим делом. Через пять дней после того, как он уехал, его супруга Юй обратилась за помощью. У меня больше не было никакого интереса играть с этим моим бывшим врагом. Шрам, который она нанесла мне, был исцелен теплом Его Величества.

Я рассматривала ее как совершенно постороннего прохожего в моей жизни. Супруга Ю была одета скромно; несмотря ни на что, если снять с нее слой возвышенности, она была всего лишь маленькой страничкой среди горы других в этом беспокойном мире. Она вела жалкое существование, каждое ее движение было не в ее власти.

Она почтительно поздоровалась со мной. Когда она распростерлась у моих ног, в моем сердце поднялась редкая доброта. Может быть, беременность смягчила мое сердце. Консорт Юй устремила взгляд на мой круглый живот, а Е Хуан с тревогой накрыла мой живот тряпкой, заставив меня недоверчиво рассмеяться.

Я улыбнулся, приглашая ее сесть. Она поблагодарила меня. Усевшись на свое место, она горько улыбнулась мне: «С тех пор как Чэнь цзе познакомилась с вашей светлостью, вы всегда жили по своей прихоти, делали все по-своему. Прошло столько лет, а вы не изменились, Чэнь цзе завидует этой черте вашего характера!»

Я хотела похвастаться ей, что у меня надежный отец, который думает только о своей дочери, в отличие от ее собственного отца, который продал ее ради богатства. Но это казалось слишком жестоким. Мне было достаточно самой знать о благе моего Отца.

Хвастовство казалось слишком поверхностным.

« У всех разные ситуации», - неопределенно ответила я, потирая собственный живот. Мне нужно было собрать хорошую карму для моего ребенка. Причинять боль другим, это грех, боги никогда не простят мне этого.

Она одарила меня печальной улыбкой, в которой была сложная смесь эмоций, которые я никогда не пойму. Она торжественно умоляла меня отправить ее в храм Бао Цзи, чтобы она стала монахиней и служила вдовствующей императрице.

Раньше у меня никогда не было возможности узнать ее по-настоящему. У меня тоже никогда не было желания помириться с ней. Теперь, хотя мы оба были во дворце, наши ситуации были слишком разными.

Кто-то однажды сказал мне, что перед тем, как Ян Пин ушел, консорт Юй преградила ему путь в императорском саду, плача и поднимая огромный шум. Никто не знал, о чем они говорят.

Его Величество знал об этом, но, похоже, он уже привык к тому, что ему дают зеленую шляпу. Он нисколько не рассердился, просто доверил это дело мне.

Однажды я заподозрила, что у него где-то проблемы: « Ваше величество, кажется, очень снисходительно относится к зеленым шляпам. Вы никогда не сердитесь; как это утешительно. Похоже, однажды я смогу вам изменить, и мне не нужно бояться потерять голову!»

Он так разозлился, когда услышал это. Он ... толкнул меня на кровать, но из-за моего огромного живота, все, что он мог сделать, это только потянуть меня за уши. Он предупредил меня с мрачным лицом: «Мне плевать на других женщин, но если ты посмеешь мне изменять, я отрежу тебе ноги!»

Его не волновало, что у этих женщин в гареме были романы?

Каким человеком вы были, ваше величество? Растрачивать зерно, для того чтобы накормить чужих женщин ... Естественно, у меня не хватило смелости спросить об этом вслух в его присутствии. Иногда он мог быть действительно страшным, когда злился.

Цинь Юй Чжэн покинула дворец дождливым весенним днем.

По словам людей, которые отослали ее, она покинула дворец с лицом, полным слез, оглядываясь на вход во дворец с выражением большой надежды на возвращение. Эти люди рассказывали, что Консорт Юй, должно быть, была в сговоре с вдовствующей императрицей, пытаясь найти способы для возвращения последней во дворец.

Дети, вы слишком много думаете...

Вероятно, она была очень несчастна только потому, что больше даже случайно не могла «столкнуться» со своим Ян Пином в императорском саду. Даже после того, как ее запихнули в эту золотую клетку на три года, ее сердце никогда не было с Фэн Чжао Вэнем.

В глубине души все это знали. Когда ее отец, Руй Ван отправил ее в гарем, все знали, что она безумно влюблена в Ян Пина. Даже Фэн Чжао Вэнь знал, что она была просто подарком, чтобы продемонстрировать хорошие отношения.

Консорт Юй лучше всех понимала свое собственное сердце. Но в этом беспокойном мире не каждый мог получить то, к чему стремился.

Быть там, где я была сегодня, это, вероятно, было связано с моей удачей.

Пять месяцев спустя Ян Пин прислал известие, что военным удалось подавить племя Ман. Племя этих людей подняло белый флаг и предложило посылать дань каждый год, а взамен они просили брачного союза.

Фэн Чжао Вэнь принял их предложение и предложил своей сестре, принцессе Мин Ан, выйти замуж за вождя племени. Они ждали только возвращения командующего армией. Вождь лично примет свою невесту.

В начале седьмого месяца, в день возвращения командующего армией, я боролась с болью, которая была хуже смерти. Под тревожный стук Его Величества в дверь и тяжелую работу императорских врачей и слуг я родила мальчика.

Я слышала, что в день возвращения полководца все министры собрались у городских ворот, чтобы приветствовать его. Только Его Величества там не было, он был слишком занят, расхаживая перед дверью зала Чжун Хуа. Он был совершенно не похож на обычного импозантного человека, каким все его знали.

Е Хуан сказала: «Шум, который ты создавала, был таким устрашающим, как будто ты собиралась умереть от боли, а Его Величество выглядел так, словно ему было еще больнее. Он

выглядел таким бледным, словно сейчас потеряет сознание!»

Девушка радостно захихикала: « Это было так страшно, что теперь понятно, что вы уже почувствовали боль, ваша светлость?»

Похоже, она все еще помнила, что раньше я не чувствовал никакой боли.

Моего сына назвали Фэн Цин Цзюнь, что звучит как важность правителя.

Фэн Чжао Вэнь сказал: «В королевстве самые важные, это люди. Само царство стоит на втором месте. Но и Правитель не менее важен!»

Я посмотрела на розоватую фрикадельку. Было слишком рано возлагать на него такие надежды. Я очень устала, и отправилась в свою страну грез.

Мечты прекрасны, но реальность часто жестока.

По мере того как Цин Цзюнь рос, он становился все более и более непослушным. Больше всего ему нравилось злить меня. Я была в зале с моими книгами, моими новыми платьями и новыми масками, которые я купила за пределами дворца. Одна секунда отвлечения от него дала ему возможность разбить все предметы.

Я так разозлилась, что погналась за ним с тростью, а за мной следовали слуги, которые хотели остановить меня, но не решились. В этот момент я вспомнила, как Отец гонялся за мной с дверной задвижкой. Внезапно меня захлестнула волна ностальгии.

Честно говоря, я была точно такой же, как Цин Цзюнь, когда был моложе.

Возможно, отец тоже хотел быть нежным со мной, но просто не мог, потому, что я была слишком озорной. Я всегда злила его, и тогда, он вымещал свою злость, только одним способом, физическими наказаниями.

За каждым темпераментом родителей стояли демонически озорные малыши. Он был таким милым и хрупким, когда только родился. Но после того, как он научился ходить, его разрушительная сила была полностью высвобождена.

Его Величество уже привык, что я в гневе гоняюсь за Цин Цзюнем. Он был хорошим человеком, этот Фэн Чжао Вэнь. Вместо того, чтобы помогать мне, он сидел в сторонке, наблюдая за шоу, широко улыбаясь, и даже приказывал слугам обмахивать его веером и подавать чай. Он прошептал Тянь Бин Цин: «Императрица слишком долго запиралась в зале Чжун Хуа. Ей нужно немного размять ноги. Этот метод Цин Цзюня действительно эффективен!»

Я в гневе помахала тростью, прежде чем броситься к нему: «Ты хочешь сказать, что проинструктировал Цин Цзюня сделать это?»

Он невинно посмотрел на меня: «Императрица шутит, как мог Чжэнь, отец Цин Цзюнь поступить так непедагогично? Просто посмотри на себя после того, как немного побегала. У тебя свежая кожа и все такое, и это полезно для здоровья, как говорит доктор Ши Цинн!» Он посмотрел на меня так, словно делал это только для моего же блага.

Цин Цзюнь выскочил из кустарника позади него: «Спаси меня, отец император!» Малыш бросился ему на грудь, как маленький кролик.

В конце концов, он все равно не мог избежать наказания. Как бы сильно Фэн Чжао Вэнь ни любил своего ребенка, у него все же были хотя бы маленькие принципы, в отличие от дяди Туна, который баловал меня безоговорочно.

Он мягко подул на красную ладонь Цин Цзюня, которую я ударила, ругая его: «Это хорошо, что ты заставляешь свою императорскую мать упражняться, но ты не должен был уничтожать все вещи, которые она купила. Помните, это очень полезно, что вы заставили ее преследовать вас, но вы не должны уничтожать вещи…»

Я была очень зла: «Так вот как он собирается учить детей?!»

Неудивительно, что Цин Цзюнь стал совсем неуправляемым. Он даже слушать меня больше не хотел.

Я беспокоилась за Царство Великой Ци. Что, если император управляет двором так же, как он дисциплинирует своего ребенка?

Цин Цзюнь поджал губы и прошептал Фэн Чжао Вэню: «Императорская мать тайком выходила из дворца и не брала нас с тобой, ты должен посадить ее, императорский отец! Заставь ее переписать «Женские добродетели»!» Он заморгал, глядя на меня.

Я стиснула зубы, глядя на него свирепым взглядом. Он тут же в страхе уткнулся лицом в грудь отца.

Вскоре то, что сказал Цин Цзюнь, сбылось. Я снова забеременела, и у меня была нестабильность плода. Теперь Фэн Чжао Вэнь наказал уже меня и запретил покидать драконью постель.

Хотя для меня это было не совсем несчастье. Мне больше не нужно было гоняться за Цин Цзюнем. Мне нужно было только попросить Его Величество привести ребенка ко мне, и он это сделает. И таким образом, мне было гораздо проще наказать Цин Цзюня.

Когда я подняла руку, чтобы ударить его, отец и сын заморгали…

Фэн Чжао Вэнь: «И Эр, доктор Ши Цин сказал, что тебе нужно справиться со своим гневом. Тебе нужно как следует восстановиться. Удар по ребенку требует энергии. Почему бы тебе не подождать немного и не ударить его осенью, после родов?»

Неужели он думает обо мне, что я авторитет, имеющий дело с заключенным? Почему он сам не предложил ударить его вместо этого? Император, который участвовал во многих войнах, не мог даже поднять руку на своего ребенка?

Невероятно!

Темные глаза Цин Цзюня наполнились слезами, и он разрыдался: «Как только императорская мать родит младшую сестру, ты больше не будешь любить Цин Цзюня ... Вы, должно быть, подобрали меня из мусорного бака, когда я был ребенком!»

Он делал это, чтобы избежать удара?

Я не могла удержаться от смеха, когда ударила его по маленькой попе: «Откуда ты знаешь, что это будет маленькая сестра, маленький проказник?»

Он перестал плакать и вытер слезы, прежде чем поцеловать меня в лицо: «Императорская мать, пожалуйста, дай мне маленькую сестренку, чтобы поиграть. Милую и хорошенькую, красивее чужих сестер!»

Во время новогоднего банкета одна из знатных дам привела во дворец свою маленькую дочь. Она была на три года старше Цин Цзюня. Не там ли он научился называть других детей «мэймэй», что означает младшая сестра?

Е Хуан сказала мне, что он также называет некоторых из самых красивых служанок «мэймэй! У меня от этого парня голова болит!

В конце концов, я подсознательно ждала рождения дочери, надеясь вылечить Цин Цзюня от его безумных шалостей.

Когда родился Синь Жуй, Фэн Чжао Вэнь и Цин Цзюнь были вне себя от счастья. Синь Жуй для меня была наградой за четыре года тяжелой работы по воспитанию Цин Цзюня.

Моя дочь была красива и привлекательна, как маленький цветок. Кроме того, что она была маленькой плаксой, она все равно была очень, очень очаровательна.

К сожалению, я привыкла быть грубой после того, как имела дело с Цин Цзюнем в течение четырех лет, так что мне было довольно трудно быть нежной с этой моей хрупкой дочерью.

Даже Е Хуан беспокоилась каждый раз, когда я несла Синь Жуй: «Будьте осторожны, ваша светлость. Маленькая принцесса - это не то же самое, что Его высочество Цин Цзюнь. Будьте осторожны, чтобы не уронить малышку!» Она продолжала ворчать, как наседка.

Каждый раз, когда Фэн Чжао Вэнь возвращался с заседаний двора, он лично нес Синь Жуя. Теперь, когда у него появилась дочь, он, наконец, осознал свои ошибки в воспитании Цин Цзюнь. Он послал Цин Цзюня учиться.

Он выбрал Ян Пин в качестве наставника Цин Цзюня и спросил мое мнение. Ян Пин был хорош и в книгах, и в боевых искусствах. Он мог бы научить Цин Цзюня и тому, и другому. Я только настоятельно просила Его Величество передать мое послание Янь Пиню: принц Цин Цзюнь был ребенком, полным энергии, и я надеюсь, что он сможет быть строгим, обучая его боевым искусствам, чтобы Цин Цзюнь мог полностью раскрыть свой потенциал.

Во времена, когда существовал мир, было еще более важно изучать боевые искусства. Не обращайте внимания только на литературу и не игнорируйте физические возможности.

Цин Цзюнь пошел на урок с горьким выражением лица.

Император обнял Синь Жуя и рассмеялся: «Поскольку ты не можешь лично преследовать его, может, ты захочешь использовать других людей, чтобы сделать это за тебя?»

Поскольку Фэн Цин Цзюню было тесно в зале Чжун Хуа, вещи, которые он ломал, обычно были моими личными вещами. Однако, всякий раз, когда он покидал зал Чжун Хуа, он обращался с другими вежливо, так что его репутация была действительно хорошей.

Я напустила на себя выражение, которое обычно носила, когда имела дело с гаремом: «Ваше величество слишком узколобо, я думаю исключительно только о пользе для королевства, иметь способного наследника, это просто необходимое условие для этого!»

Мы оба прекрасно понимали, что это всего лишь отговорка. Ходили слухи, что императрица была жестокой по отношению к наследному принцу. Люди говорили, что ребенок, выросший в жестокой семье, станет тем, кто причинит насилие в будущем.

Император, знавший об этих слухах, не мог удержаться от смеха: «Оправдание неплохое! Теперь императрица знает, как тщательно планировать. Заставлять наставника учить его литературе и боевым искусствам тоже экономит деньги; такая добродетельная императрица!»

Он явно издевался надо мной!

Мысль о том, что Цин Цзюнь собирается испытать боевые искусства, заставило меня громко смеяться. Я тут же забыла о Синь Жуй, которую держал на руках Фэн Чжао Вэнь. Мой громкий смех разбудил ее и заставил заплакать, Его Величество изо всех сил старался успокоить ее, а я хохотала на драконьей кровати до слез.

Мои блаженные дни казались бесконечными. Мои дни были так сладки, что на глаза наворачивались слезы. На празднике Цин Мин в следующем году я могла бы помолиться на могиле отца и сказать ему, что благодаря его воспитанию моя жизнь была такой хорошей.

Это самая последняя глава в истории, так что история закончилась!

http://tl.rulate.ru/book/28150/1332776